

DOI: 10.22363/2618-897X-2022-19-3-439-452

Научная статья

Языки миноритарных этносов Южной Сибири: статусно-дискурсивная репрезентация в социокультурном контексте

Т.Г. Боргоякова ✉, А.В. Гусейнова , К.А. Покоякова

Хакасский государственный университет им. Н.Ф. Катанова,
Российская Федерация, 655017, Абакан, пр. Ленина, 92
✉ tamarabee@mail.ru

Аннотация. Представлен комплексный анализ статусно-дискурсивной репрезентации языков миноритарных этносов на примере республик Южной Сибири с привлечением эмпирического социолингвистического и психолингвистического материала. Выявлено наличие зон социального согласия в условиях трехязычного коммуникативного пространства указанных республик, которое организовано по единой модели «два государственных языка (русский и титульный) + язык/языки соответствующих коренных этносов». Они обусловлены общностью нормативно-правовой поддержки коренных народов и их языков в международном и российском официальном дискурсе, а также позитивным восприятием миноритарных этносов в ассоциативном портретировании носителями соответствующих республиканских государственных языков. Включение мер более активной поддержки идиомов миноритарных этносов в соответствующие нормативно-правовые акты республиканского уровня относится к перспективам минимизации зон отчуждения контактирующих народов. Определенные зоны проблематизации социально-культурного взаимопонимания в Республике Алтай связаны с более высоким уровнем приверженности челканцев к родному идиому по сравнению с лояльностью ко второму государственному языку своей республики (алтайскому), что может быть связано с актуализацией их потребности в корреляции этнического и языкового статусов, отсутствующей у шорцев и тувинцев тоджинцев.

Ключевые слова: миноритарные языки Сибири, тувинцы-тоджинцы, шорцы, челканцы, трехязычие, языки в опасности

История статьи: поступила в редакцию 04.04.2022; принята к печати 04.06.2022

Конфликт интересов: отсутствует

Финансирование: Исследование проведено при финансовой поддержке гранта РФФИ в рамках научного проекта № 20-012-00426 «Динамика и перспективы языкового взаимодействия в республиках Южной Сибири».

© Боргоякова Т.Г., Гусейнова А.В., Покоякова К.А., 2022

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

Для цитирования: Боргоякова Т.Г., Гусейнова А.В., Покоякова К.А. Языки миноритарных этносов Южной Сибири: статусно-дискурсивная репрезентация в социокультурном контексте // *Полилингвильность и транскультурные практики*. 2022. Т. 19. № 3. С. 439—452. DOI: 10.22363/2618-897X-2022-19-3-439-452

Research Article

Languages of Minority Ethnic Groups of Southern Siberia: Status-Discursive Representation in the Socio-Cultural Context

Tamara G. Borgoiakova , Aurika V. Guseinova , Karina A. Pokoiakova

Katanov Khakass State University,
92, Lenina st., Abakan, 655017, Russian Federation
 tamarabee@mail.ru

Abstract. The paper presents a comprehensive analysis of the status-discursive representation of the indigenous languages on the example of the Republics of Southern Siberia with the involvement of empirical sociolinguistic and psycholinguistic material. The presence of zones of social consensus in the conditions of the trilingual communicative space of the republics, which is organized according to a single model “two state languages (Russian and titular) + language/languages of the respective indigenous ethnic groups”, is revealed. They are due to the common legal support of indigenous nations and their languages in the international and Russian official discourse, as well as the positive perception of minority ethnic groups in associative portrayal by speakers of the respective republican state languages. The prospects for minimizing the exclusion zones of contacting peoples refer to the inclusion of measures of more active support of the indigenous idioms in the relevant legal acts of the republican level. Certain zones of problematizing of socio-cultural mutual understanding in the Altai Republic are associated with a higher level of adherence of the Chelkans to their native idiom compared to loyalty to the second state language of their republic (Altai), which may be due to the actualization of their need for a correlation of ethnic and linguistic status, which is absent among Shors and Tuvan Todzhans.

Key words: minority languages of Siberia, Tuvans-Todzhans, Shors, Chelkans, trilingualism, languages in danger

Article history: received 04.04.2022; accepted 04.06.2022

Conflict of interests: none

Funding: The study was carried out with the financial support of the Russian Foundation for Basic Research in the framework of the scientific project № 20-012-00426 “Dynamics and prospects of languages interaction in the Republics of Southern Siberia”

For citation: Borgoiakova, T.G., A.V. Guseinova, and Pokoiakova K.A. 2022. “Languages of Minority Ethnic Groups of Southern Siberia: Status-Discursive Representation in the Socio-Cultural Context”. *Polylinguality and Transcultural Practices*, 19 (3), 439—452. DOI: 10.22363/2618-897X-2022-19-3-439-452

Введение

Организация объединенных наций объявила период с 2022 по 2032 гг. Международным десятилетием языков коренных народов. Цель мероприятия — привлечь внимание мировой общественности к проблеме исчезновения языков коренных народов и мобилизовать заинтересованные стороны и ресурсы для их сохранения, возрождения и продвижения с учетом численной динамики «языков в опасности». В материалах ЮНЕСКО в 1996 г. было представлено 600 таких языков, в 2001 г. — 900, а в 2010 г. — уже примерно 2500; дана дефиниция «языка в опасности»: *a language is endangered if it is not being passed on to younger generation* — «язык находится в опасности, если он не передается молодому поколению» [1].

Цель исследования — рассмотреть особенности статусной и дискурсивной репрезентации миноритарных тюркских языков Южной Сибири в социальном контексте их реального функционирования на примере языков тувинцев-тоджинцев, шорцев и челканцев, традиционно проживающих в Республике Тыва (РТ), Республике Хакасия (РХ) и Республике Алтай (РА). Актуальность темы обусловлена тем, что существенная часть исследований по языковой политике республик Южной Сибири посвящена языкам титульных этносов во взаимодействии с русским языком, чаще оставляя без специального внимания данную категорию языков в динамике их социокультурного пространства. В то же время изучение социального взаимодействия в условиях контактного трехязычия является важным для выявления общезначимых, совместно разделяемых интересубъективных значений, отсутствие которых может приводить к проблематизации взаимопонимания [2]. Именно стремление к достижению социального консенсуса, включающего учет языковых интересов коренных этносов, можно считать концептуальной основой Глобального плана действий международной декады языков коренных народов, одна из заявленных целей которого — *leaving no one behind, no one outside* — *by 2032* «не оставляя никого позади, никого в стороне — к 2032», и Программы по сохранению и возрождению языков России, разрабатываемой в соответствии с поручением Президента РФ в Институте языкознания РАН.

В российском правовом поле вместо термина «коренные народы» используется термин «коренные малочисленные народы» (далее КМН), включающий численный критерий 50 000 человек, что противоречит международным правовым документам, исключающим численный критерий [3. С. 10]. Поэтому, по мнению В.Ю. Михальченко, более приемлемой и справедливой является классификация языков коренных народов России с выделением в ней двух групп языков — мажоритарных и миноритарных [3. С. 10—11]. Исключение численного критерия представляется обоснованным, поскольку он может оказывать негативное влияние на поддержку витальности языков КМН, особенно не имеющих собственных автономий. Однако вряд ли можно согласиться с включением русского языка в первую группу наряду с титульными и государственными языками республик Российской Федерации. Причина не только в статусе русского языка как общегосударственного и мирового, но и в принятой трактовке термина «коренные народы», включающей проживание на своих землях до колонизации, трагический опыт геноцида, военного вторжения, а также сопутствующее экономическое, политическое и социальное лишение гражданских прав в окружении доминант-

ных этносов и др. [4. С. 37]. В то же время использование термина «миноритарные языки» для параллельной номинации языков КМН представляется вполне приемлемым вариантом, отграничивающим их от титульных и государственных языков республик.

Противоречивость статусной репрезентации рассматриваемых этносов и их языков связана с официальным включением шорцев, тувинцев-тоджинцев и челканцев в перечень 63 КМН Российской Федерации, с одной стороны, и отсутствием языков тувинцев-тоджинцев и челканцев в списке 54 языков малочисленных народов России — с другой. Данный список представлен в Социолингвистической энциклопедии, в которой авторы объясняют численное несоответствие тем, что «некоторые народы пользуются не отдельными языками, а их диалектами» [5. С. 12]. Однако получение субэтносами Республики Алтай, включая челканцев, официального статуса КМН Российской Федерации в 2000 г. актуализировало лингвоэкологическую мотивацию по отношению к родному идиому, на чем мы остановимся ниже.

Анализ статей в энциклопедических изданиях обнаруживает общность их содержания в части определения *шорцев*, *тувинцев-тоджинцев* и *челканцев* как тюркоязычных КМН Южной Сибири с указанием численности по данным переписей населения разных лет [6—8]. Так, например, в Большой российской энциклопедии приводятся данные Всероссийской переписи 2010 г., согласно которой численность тувинцев-тоджинцев составляет 1,9 тыс. человек, челканцев — 1,1 тыс. (всего по России — 1,2 тысячи), шорцев — 12,9 тыс. В Красной книге языков народов России носители шорского языка характеризуются как двуязычные, подавляющее большинство которых (95%) «владеет русским как родным или как вторым языком». Также отмечается рост языковой лояльности к этническому языку у шорской молодежи [7. С. 67]. Статусное совпадение в номинации народа и соответствующего языка сохраняется в отношении шорцев, что может быть связано с историческим фактом десятилетия собственной автономии в виде Горно-Шорского национального района до 1939 г. Язык тувинцев-тоджинцев отнесен к диалекту тувинского языка, функционирующего в наиболее благополучной для него языковой ситуации по сравнению с языками других малочисленных этносов Сибири [7. С. 56]. Челканцы также представлены как носители особого диалекта современного алтайского языка. Отмечается, что все они двуязычны и русский язык для многих «стал уже родным», а челканский диалект, «сужая сферу своего функционирования, остается живым в семейном общении и в небольших производственных коллективах, занимающихся традиционными видами хозяйственной деятельности» [7. С. 65].

В UNESCO Interactive Atlas of the World's Languages in Danger отдельно представлены только языки шорцев и челканцев с определением уровня их витальности как *severely endangered*. Информация о челканском диалекте содержится в словарной статье Northern Altay как о *severely endangered* наряду с диалектами тубаларов и кумандинцев [9].

Этнолингвоэкологическая направленность языковой политики РФ по отношению к миноритарным этносам находит выражение в соответствующем законодательстве. Так, в ст. 10 ФЗ «О гарантиях прав коренных малочисленных на-

родов РФ» (<https://bazanpa.ru/gd-rf-zakon-n82-fzot30041999-h470532/>) предусмотрено их право на сохранение и развитие родных языков, а ст. 5 посвящена праву РФ принимать федеральные программы социально-экономического и культурного развития малочисленных народов, развития, сохранения и возрождения их языков. Поддержка гарантируется и на региональном уровне. Так, конституции республик Южной Сибири декларируют право всех их народов «на сохранение родного языка, создание условий для его изучения и развития». Следует отметить, что ни в одном из приведенных документов нет расшифровки общего термина «все народы/другие народы» или упоминания соответствующих КМН или их языков.

Меры по сохранению и развитию языков малочисленных народов республик Южной Сибири предусмотрены в рамках локальных правовых актов. Например, План мероприятий по реализации в РХ в 2019—2021 гг. Стратегии государственной национальной политики РФ на период до 2025 г. предусматривает такие пункты, как «Проведение межрегионального фестиваля шорского языка и культуры „Пис пирге!“ (Мы вместе!)» (5.7), «Проведение социолингвистических исследований по оценке состояния и перспектив развития хакасского, шорского языков в Республике Хакасия» (5.8) (<https://docs.cntd.ru/document/550347998>). В подпрограмме «Укрепление единства российской нации и гармонизация межнациональных отношений в РХ» государственной программы РХ «Региональная политика Республики Хакасия» (2017—2025 гг.) заявлен такой целевой показатель, как достижение 34,5% доли представителей шорцев, охваченных мероприятиями по сохранению и пропаганде традиционной культуры» (<https://docs.cntd.ru/document/444742314>). Таким образом, законодательством РХ предусматривается определенная поддержка шорскому языку и культуре.

В Республике Алтай в Плате мероприятий в 2019—2021 гг. в рамках Стратегии государственной национальной политики РФ на период до 2025 г. выделен раздел «Сохранение и поддержка русского языка как государственного языка и языков народов РФ». Однако в плане нет упоминания о мероприятиях, направленных на поддержку языков КМН Республики Алтай. В государственной программе Республики «Реализация государственной национальной политики» (2019—2024 гг.) содержится подпрограмма «Коренные малочисленные народы Республики Алтай», которая направлена на улучшение социального положения КМН и предполагает укрепление их социально-экономического потенциала, сохранение исконной среды обитания, традиционного образа жизни и культурных ценностей» (https://altai-republic.ru/upload/iblock/fbe/246_2018.pdf). Мероприятий, направленных на укрепление позиций диалектов КМН РА, в данной подпрограмме не запланировано.

Государственной программой Республики Тыва «Реализация государственной национальной политики Российской Федерации в Республике Тыва на 2021—2023 годы» предусмотрено укрепление гражданского единства и этнокультурное развитие народов, проживающих на территории республики, а также поддержка коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации, проживающих на территории РТ. В программе заявлены «мероприятия, направленные на поддержку языкового многообразия» (приложение

№ 2 и 3, п. 1.10), «подготовка и издание научных трудов об истории, этнографии, культуре, языках народов Тувы» (1.14) (<https://docs.cntd.ru/document/570773085>), однако не указано, какие именно мероприятия будут проводиться и какие именно языки народов Республики Тыва получают поддержку. Раздел «Поддержка коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации, проживающих на территории Республики Тыва» предполагает поддержку издания художественной литературы, созданной на языках КМН (п. 4.8) без указания определенных языков. В данном разделе неоднократно упоминаются тувинцы-тоджинцы, однако меры их поддержки связаны со сферами здравоохранения, трудоустройства и др, не затрагивая их диалект.

Следует отметить, что в Республике Тыва утверждена государственная программа «Развитие государственных языков Республики Тыва на 2021—2024 годы», в которой содержатся две подпрограммы: «Развитие и распространение русского языка как основы гражданской самоидентичности и языка международного диалога» и «Развитие тувинского языка». В 2021 году в Республике Хакасия и Республике Алтай также утвердили государственные программы сохранения и развития хакасского и алтайского языков соответственно на период 2022—2027 гг. В этих документах не предусматривается поддержка миноритарных языков и диалектов республик Южной Сибири. Таким образом, в целом в официальном дискурсе этих республик представлен минимальный уровень языковой поддержки их КМН. Внимание сосредоточено в первую очередь на государственных республиканских языках, хотя языки миноритарных этносов республик Южной Сибири характеризуются «кризисными явлениями», испытывают реальную угрозу «полной ассимиляции», о чем свидетельствуют как их позиции в рейтингах витальности, приведенные выше, так и социолингвистические характеристики в академическом дискурсе [10. С. 498; 11].

В научной литературе выделяют челканский (чалканский) язык, но не диалект, что позволяет «наиболее полно отражать особенности» языковой традиции малочисленного субэтноса, а также повышает социальный статус исчезающего языка, носители которого «осознают себя как отдельную этническую общность, родственную, но не тождественную алтайцам» [12. С. 13]. Язык челканцев в настоящее время представлен как самостоятельный язык на сайте проекта «Малые языки России» Института языкознания РАН.

Для целей нашего исследования особенно важно было «услышать» мнение носителей миноритарных языков, отраженное в дискурсе социолингвистических материалов, полученных в местах их компактного проживания в 2021 г. Общее число опрошенных представителей КМН в республиках Южной Сибири составило 89 человек. Предложенные вопросы были направлены на выявление их этнической идентификации, языковой лояльности и языкового репертуара в условиях трехязычия, оценки роли субъектов языковой политики.

Этническая идентичность и языковые установки коренных малочисленных этносов республик Южной Сибири

В Республике Алтай было опрошено 60 человек, проживающих в Турочакском районе (70%) и в Горно-Алтайске (30%), которые определили свою национальную

принадлежность как челканцы. В селе Матур Таштыпского района РХ было опрошено 78 человек, из которых 28 назвали себя: шорец (17), хакас-шорец или шорец-хакас (6), русский шорец (4), метис (1). Остальные 23 отнесли себя к русским, 25 — к хакасам, 2 — к русским хакасам. В Тоджинском районе РТ было опрошено 54 человека, из которых только 12 респондентов указали в качестве национальности «тоджинец» или «тувинец-тоджинец». Остальные респонденты назвали себя тувинцами либо не указали национальную принадлежность.

Итоги анализа ответов опрошенных на вопрос о родном языке представлены в табл. 1.

Таблица 1 / Table 1

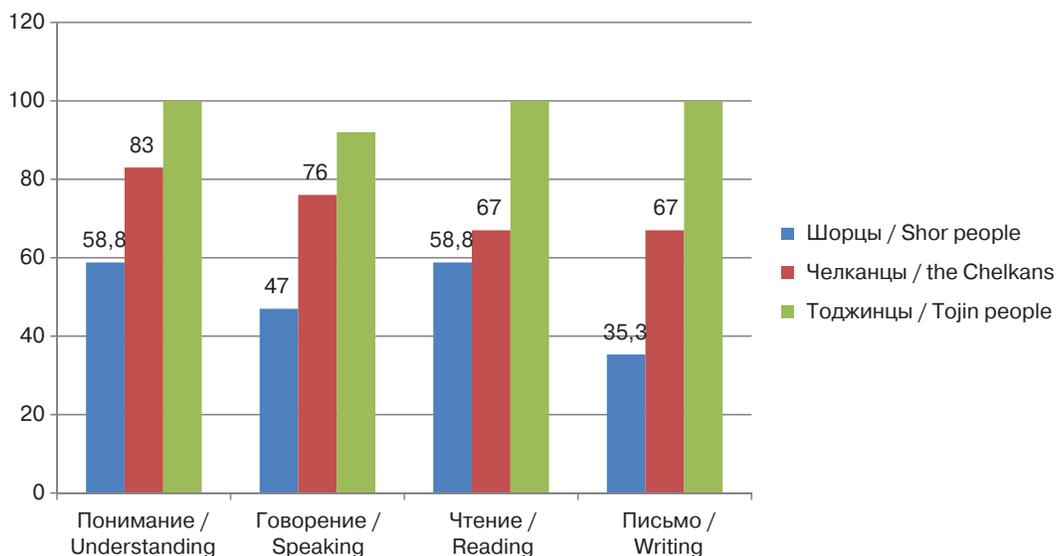
Выбор родного языка (%) / Choice of native language (%)

Национальность / Nationality	Русский язык / Russian Language	Республиканский язык / Republic Language	Родной язык, диалект / Native Language, Dialect	Русский и родной язык/диалект / Russian and Native Languages/Dialect
Шорцы / Shor people	5,9	17,6	52,9	23,5
Тоджинцы / Tojin people	—	33	42	17
Челканцы / the Chelkans	—	—	93	7

Как видно из таблицы, максимальная доля признания только этнического идиома в качестве родного представлена у челканцев (93%), шорцев (53%), тувинцев-тоджинцев (42%). При этом для более трети тоджинцев в качестве родного выступает тувинский язык. Для шорцев более актуален билингвизм, в рамках которого два языка представляются родными — русский и родной (60%) с представленностью и хакасского языка (18%). Как было отмечено нами ранее, респонденты, указавшие в графе «Национальность» двойную хакасско-шорскую идентичность, чаще указывают в качестве родного хакасский язык, а русские шорцы — русский, что может указывать на более сильные позиции государственных языков [13. С. 132]. Никто из опрошенных тоджинцев не указал в качестве родного только русский язык, однако одновременно с тоджинским он является родным для 17% опрошенных.

В то же время именно тоджинцы занимают первое место по показателю свободного владения всеми видами речевой деятельности на родном идиоме (рис. 1). У опрошенных челканцев достаточно высоки показатели среднего уровня речевой деятельности — 73%. Среди шорских респондентов более представлены пассивные виды речевой деятельности (понимание и чтение) — около 60%. Впрочем, и эти показатели весьма оптимистичны, так как, согласно данным Всероссийской переписи населения 2010 г. (https://www.gks.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/perepis_itogi1612.htm) шорским языком владеет только 22% шорцев. Отметим, что, согласно тем же данным, шорцы являются весьма урбанизированным народом: 72,5% из них проживает в городах, и только 27,5% — в сельской местности, где, как известно, язык всегда сохраняется лучше. А поскольку в рамках нашего исследования были опрошены именно сельские жители, то и результаты оказались более высокими, чем в среднем по этнической группе. У челканцев, по данным того же источника, картина расселения противоположная: 80% из них —

сельские жители, и только 20% — городские, что отражается на уровне владения ими челканским диалектом. Респонденты-тоджинцы, почти 100% из которых проживает в сельской местности с минимальным уровнем погружения в русскоязычную языковую среду, закономерно демонстрируют практически 100%-ное владение всеми видами речевой деятельности на тоджинском диалекте (рис. 1).

Рис. 1. Владение родным языком/диалектом по видам речевой деятельности, % / **Fig. 1.** Native language/dialect proficiency by types of speech activity, %

Далее рассмотрим взаимодействие языков в разных сферах коммуникации. Анализ данных табл. 2 показывает, что максимальный уровень общения на родном диалекте (в среднем 70%) ожидаемо представлен в тоджинских семьях. Русский язык используется только в смешанном с родным идиомом варианте (8%). У челканцев из сферы семейного общения исключен второй государственный язык — алтайский. У большинства из них общение в семье происходит на русском и челканском одновременно. При этом семейное общение шорцев зачастую происходит именно на русском: более половины (58,3% опрошенных) используют только русский язык или русский одновременно с шорским для общения с родителями, 41% — для общения с бабушками и дедушками.

В общении с друзьями и коллегами у шорцев преобладает русский язык, у челканцев — русский и челканский, а тоджинцы чаще используют для этих целей оба государственных языка и родной диалект. Таким образом, несмотря на то, что 92% респондентов-тоджинцев на свободном или среднем уровне владеют русским языком, он наименее востребован в их социальном окружении. В то же время опрошенные шорцы, 100% которых владеют родным языком [13. С. 133]), не обходятся без русского языка даже в сфере семейно-бытовой коммуникации, а в общении с друзьями и коллегами он занимает лидирующие позиции. Респонденты-челканцы, по собственной оценке, хорошо владеют как русским языком, так и челканским диалектом и активно используют их в повседневной коммуникации.

Таблица 2 / Table 2

**Соотношение использования языков в разных сферах общения (%) /
The ratio of the use of languages in different areas of communication (%)**

Сфера общения / Communication Sphera	Шорцы / Shor people	Челканцы / the Chelkans	Тоджинцы / Tojin people
Общение с родителями / Communication with parents:			
на русском языке / in Russian	23,5	20	—
на титульном языке республики / in the titular language of the republic	23,5	—	38
на родном языке/диалекте / in native language/dialect	12	13	54
на русском и родном языке/диалекте / in Russian and native language/dialect	35,3	67	8
Общение с бабушками и дедушками / Communication with grandparents:			
на русском языке / in Russian	12	22	—
на титульном языке республики / in the titular language of the republic	17,6	—	15
на родном языке/диалекте / in native language/dialect	35,3	42	85
на русском и родном языке/диалекте / in Russian and native language/dialect	29,4	36	—
Общение с друзьями / Communication with friends:			
на русском языке / in Russian	41,2	33	—
на титульном языке республики / in the titular language of the republic	17,6	2	23
на русском и титульном языке республики / in Russian and in the titular language of the republic	6	—	31
на родном языке/диалекте / in native language/dialect	—	2	31
на русском и родном языке/диалекте / in Russian and in native language/dialect	35,3	63	15
Общение с коллегами / Communication with colleagues:			
на русском языке / in Russian	58,8	40	—
на титульном языке республики / in the titular language of the republic	12	3	17
на русском и титульном языке республики / in Russian and in the titular language of the republic	—	2	41
на родном языке/диалекте / in native language/dialect	—	—	17
на русском и родном языке/диалекте / in Russian and in native language/dialect	23,5	55	25

Языковые установки и оценка языковой политики

Анализ языковых установок, выявленных в ходе анкетирования в трех республиках, свидетельствует о высокой степени готовности респондентов поддерживать родные идиомы (в среднем не менее 90%). Самый высокий показатель по этому пункту у шорцев; они же единодушно поддерживают возможность изучения шорскими детьми родного языка в школе (табл. 3).

Отметим, что в школах РХ шорский язык не преподается как учебный предмет. Среди 108 детей шорской национальности в школах Аскизского и Таштыпского районов нет свободно владеющих родным языком, но в форме кружковых занятий его изучают 36 детей (<https://19rus.info/index.php/obshchestvo/item/167000-v-khakasii-rabotayut-nad-motivatsiej-k-izucheniyushorskogo-yazyka>). За пределами РХ шорский язык изучается как учебный предмет в нескольких школах Кемеровской области, где проживает 10 из 12 тысяч шорцев. Челканцы и тоджинцы так-

же обнаруживают высокую степень заинтересованности в изучении их детьми родного идиома в школе (80 и 88% соответственно), однако в настоящее время такой возможности не предвидится. Согласно данным проекта «Малые языки России» Института языкознания РАН, «челканский язык никогда не использовался в системе образования. Были планы по преподаванию челканского языка как предмета в Курмач-Байгольской школе, но они так и не были реализованы. В школе в качестве предмета «Родной язык» многие челканцы изучают литературный алтайский язык» (<https://minlang.site/>), как и тоджинские дети, которые изучают в школе литературный тувинский.

Таблица 3 / Table 3

Языковые установки по отношению к республиканским и местным языкам Южной Сибири (%) / Language attitudes in relation to the republican and local languages of Southern Siberia (%)

Языковые установки / Language attitudes	Шорцы / Shor people	Челканцы / the Chelkans	Тоджинцы / Tojtin people
Поддержка возможности изучать родной язык/диалект в школе / Supporting the ability to learn native language/dialect at school	100	80	88
Поддержка обязательного изучения второго государственного языка республики в школе для всех обучающихся / Support for the compulsory study of the second state language of the republic at school for all students	76,5	20	92
Готовность оказывать поддержку родному языку/диалекту / Willingness to support native language/dialect	94	90	92

Обязательность изучения вторых государственных языков республик, поддерживают 92% тоджинцев и 76,5% шорцев, но всего 20% челканцев. В этой связи следует отметить, что зона социального отчуждения заметна и на сравнительном фоне оценки значимости субъектов языковой политики, от которых зависит будущее языка/диалекта. Челканские респонденты возлагают примерно равную долю ответственности между носителями своего диалекта (42%) и органами власти (40%) при значительно большем удельном весе республиканских органов — 32%. У двух других групп респондентов более высокая доля ответственности возлагается на самих носителей языка/диалекта (около 70%) со значительно более низкими показателями роли республиканских и федеральных властей. Данные наблюдения коррелируют и с выявленной разницей в нормативно-правовой поддержке титульных и миноритарных этносов республик Южной Сибири, включая присутствие/отсутствие последних в системе образования, что, несомненно, влияет на престижность языков и уровень социального согласия в республиках.

Психолингвистический аспект репрезентации коренных малочисленных этносов республик Южной Сибири

Репрезентация трех миноритарных этносов в разных типах дискурса находит отражение и в структуре их психолингвистического восприятия русскими и титульными народами республик Южной Сибири, выявленного по итогам свободного ассоциативного эксперимента в 2021 г. с охватом более 1300 респондентов в возрасте от 17 до 83 лет. Общность базовых ассоциативных стратегий совпадает с энциклопедическими трактовками миноритарных этносов в части: а) дефиниции *народ/нация*; б) уточнения конкретного региона/места их проживания; в) кон-

кретизации традиционных видов деятельности; г) указания на статус малочисленного народа.

Заметной оказывается дифференциация выбора по признаку этнической принадлежности опрошенных в каждой из ассоциативных стратегий. Так, только для русских респондентов характерны реакции, свидетельствующие о незнании соответствующих этносов, что выражается в таких частотных ассоциатах, как *не знаю, неизвестное, кто это, нет ответа, понятия не имею* и т.д. Так, например, 16% русских респондентов не знают, кто такие шорцы, 13% не имеют представления о челканцах, и 4% не слышали о тувинцах-тоджинцах. В структуре реакций респондентов титульных этносов в большей степени отражается понимание КМН как части или разновидности соответствующего титульного народа, знания мест их проживания. Например, на это указывают такие реакции-конкретизаторы: о челканцах — *алтайцы, северные алтайцы, часть алтайцев, подвид алтайцев* и т.д.; в отношении тувинцев-тоджинцев — это *тувинцы, особая этническая группа тувинцев, аборигены, истинные тувинцы, тоджи, тожу* и т.д. У хакасских респондентов заметной оказалась доля реакций, отражающих близость шорцев к хакасам: *братья, родня, родственники, родственный, наши братья, близкие, близость к хакасам, потомки* и т.д.

В ассоциативном восприятии соседних КМН преобладают нейтрально-позитивные оценки. Позитивные доминируют в АП стимула «тувинцы-тоджинцы» (21%) и включают указание на их уникальность (*редкие, уникальные, особенные*), трудолюбие (*трудолюбивые, работающие, старательные*), дружелюбие и гостеприимство (*самый гостеприимный народ, дружные, разговорчивые, чистосердечные, чуткий народ*), силу и красоту (*сильные, самый красивый народ, красавцы, интересные*). В АП «челканцы» заметное место занимает характеристика их интеллектуальных способностей (*умные*) и оценка душевных качеств (*добрый народ, хорошие, дружные, отзывчивые*). В образе шорцев подчеркивается их *доброта, трудолюбие, преданность*. Доля отрицательно-оценочных реакций в целом не высока и в среднем составляет по 5% в АП «челканцы» и «тувинцы-тоджинцы», а также 1% в АП «шорцы».

Заключение

Комплексный анализ статусно-дискурсивной репрезентации языков миноритарных этносов (на примере республик Южной Сибири) выявил общность их нормативно-правовой поддержки в международном и российском официальном дискурсе. Этим обусловлено наличие зон социального согласия в условиях трехязычного коммуникативного пространства республик Южной Сибири, организованного по единой модели «два государственных языка (русский и титульный) + язык/языки соответствующих коренных этносов». Включение мер более активной поддержки идиомов миноритарных этносов в соответствующие нормативно-правовые акты республиканского уровня относится к перспективам минимизации зон отчуждения контактирующих народов. Позитивное восприятие миноритарных этносов, выявленное в их психолингвистическом портретировании носителями государственных языков, также способствует укреплению социального

взаимопонимания и минимизации зон отчуждения контактирующих народов республик Южной Сибири. Определенная проблематизация социально-культурного взаимопонимания в Республике Алтай связана с более высоким уровнем приверженности челканцев к родному идиому по сравнению с лояльностью ко второму государственному языку своей республики (алтайскому), что может быть связано с актуализацией их потребности в корреляции этнического и языкового статусов, отсутствующей у шорцев и тувинцев-тоджинцев.

Список литературы

1. Moseley C. Introduction to UNESCO Interactive Atlas of the World's Languages in Danger. URL: <https://unesdoc.unesco.org/ark:/48223/pf0000379853/PDF/379853eng.pdf.multi> (Дата обращения: 10.01.2022).
2. Смирнова Н.М. Концепт интерсубъективности в структурах междисциплинарного синтеза // *Философия науки. Эпистемология в междисциплинарных исследованиях*. 2014. Вып. 19. С. 145—163.
3. A Global Action Plan of the International Decade of Indigenous Languages. URL: <https://en.unesco.org/idil2022-2032/globalactionplan> (Дата обращения: 25.01.2022).
4. Солнцева В.М., Михальченко В.Ю. Введение // *Письменные языки мира: языки Российской Федерации. Социолингвистическая энциклопедия*. Кн. 2. М.: Academia, 2003. С. IX—XLVI.
5. Боргоякова Т.Г. Языки коренных народов США: терминологические и законодательные аспекты // *Филологические науки. Научные доклады высшей школы*. 2018. № 6. С. 36—42. DOI: 10.20339/PhS.6-18.036.
6. Большая российская энциклопедия. URL: <https://bigenc.ru/> (Дата обращения: 28.01.22).
7. Красная книга языков народов России: энциклопедический словарь-справочник / гл. ред. В.П. Нерознак. М., 1994.
8. Государственные и титульные языки России. Энциклопедический словарь-справочник / под ред. В.П. Нерознака. М.: Academia, 2002.
9. UNESCO Interactive Atlas of the World's Languages in Danger. URL: <http://www.unesco.org/languages-atlas/index.php?hl=en&page=atlasmap> (Access date: 27.01.22).
10. Селютина И.Я. Тюркские языки Северного Алтая в условиях глобализации // *Языковая политика и языковые конфликты в современном мире: Международная конференция (Москва, 16—19 сентября 2014): Доклады и сообщения* / отв. ред. А.Н. Биткеева, В.Ю. Михальченко. М.: Тезаурус — Языки народов мира, 2014. С. 498—506.
11. Николаев В.В., Самушкина Е.В. Этноязыковые процессы у кумандинцев, тубаларов и челканцев в XIX — начале XXI века // *Томский журнал лингвистических и антропологических исследований*. 2021. № 3 (33). С. 139—157.
12. Федина Н.Н., Ширококова Н.Н. Фонетические и морфологические особенности чалканского языка / отв. ред. И.Я. Селютина. Новосибирск: Академиздат, 2019.
13. Боргоякова Т.Г., Гусейнова А.В. Шорский язык в С. Матур Таштыпского района Республики Хакасия (по итогам социолингвистического опроса) // *Казанская наука*. 2020. № 11. С. 132—135.

References

1. Moseley, Ch. Introduction to UNESCO Interactive Atlas of the World's Languages in Danger. Available at: <https://unesdoc.unesco.org/ark:/48223/pf0000379853/PDF/379853eng.pdf.multi>. Access date: 10.01.2022
2. Smirnova, N.M. 2014. "Kontsept intersub»ektivnosti v strukturakh mezhdistsiplinarnogo sinteza". *Filosofiya nauki. Epistemologiya v mezhdistsiplinarnykh issledovaniyakh* 9: 145—163. Print. (In Russ.)

3. A Global Action Plan of the International Decade of Indigenous Languages. Available at: <https://en.unesco.org/idil2022-2032/globalactionplan>. Access date: 25.01.2022.
4. Solntsev, V.M., Mikhal'chenko, V.Yu. 2003. Vvedeniye. In *Pis'mennyye yazyki mira: Yazyki Rossiyskoy Federatsii*. Moscow: Academia. Pp. IX—XXVIII. Print. (In Russ.)
5. Borgoiakova, T.G. 2018. "Yazyki korennykh narodov CSHA: terminologicheskiye i zakonodatel'nyye aspekty". *Filologicheskiye nauki. Nauchnyye doklady vysshey shkoly* 6: 36—42. Print. (In Russ.) DOI: 10.20339/PhS.6-18.036.
6. Bol'shaya Rossiyskaya Entsiklopediya. Web. (In Russ.). Available at: <https://bigenc.ru>. Access date: 28.01.22.
7. Krasnaya kniga yazykov narodov Rossii: Entsiklopedicheskiy slovar'-spravochnik. Ed. by V.P. Neroznak. Moscow, 1994. 119 p. Print. (In Russ.)
8. Gosudarstvennyye i titul'nyye yazyki Rossii. Entsiklopedicheskiy slovar'-spravochnik. 2002. Ed. by V.P. Neroznak. Moscow: Academia. 616 p. Print. (In Russ.)
9. UNESCO Interactive Atlas of the World's Languages in Danger. Available at: <http://www.unesco.org/languages-atlas/index.php?hl=en&page=atlas>. Access date: 27.01.22.
10. Selyutina, I.Ya. 2014. "Tyrkskiye yazyki Severnogo Altaya v usloviyakh globalizatsii". In *Yazykovaya politika i yazykovyye konflikty v sovremennom mire Proceedings*. Moscow, 16—19 September, 2014. Ed. by A.N. Bitkeyeva, V.Yu. Mikhal'chenko. Moscow: Tezaurus — Yazyki narodov mira publ. Pp. 498—506. Print. (In Russ.)
11. Nikolayev, V.V., Samushkina, Ye.V. 2021. "Etnoyazykovyye protsessy u kumandintsev, tubalarov i chelkantsev v XIX — nachale XXI veka". *Tomskiy zhurnal lingvisticheskikh i antropologicheskikh issledovaniy* 3 (33): 139—157. Print. (In Russ.) DOI: 10.23951/2307-6119-2021-3-139-157
12. Fedina, N.N., Shirobokova, N.N. 2019. *Foneticheskiye i morfologicheskiye osobennosti chalkanskogo yazyka*. Ed. by I. Ya. Selyutina. Novosibirsk: Akademizdat publ. 188 p. Print. (In Russ.)
13. Borgoiakova, T.G. Guseinova, A.V. 2020. "Shorskiy yazyk v s. Matur Tashtypskogo rayona Respubliki Khakasiya (po itogam sotsiolingvisticheskogo oprosa)". *Kazanskaya nauka* 11: 132—135. Print (In Russ.)

Сведения об авторах:

Боргоякова Тамара Герасимовна — доктор филологических наук, профессор, директор Института гуманитарных исследований и саяно-алтайской тюркологии, профессор кафедры зарубежной лингвистики и теории языка Хакасского государственного университета им. Н.Ф. Катанова. E-mail: tamarabee@mail.ru
ORCID: 0000-0001-9958-9086

Гусейнова Аурика Вагифовна — кандидат филологических наук, старший научный сотрудник Института гуманитарных исследований и саяно-алтайской тюркологии Хакасского государственного университета им. Н.Ф. Катанова. E-mail: aurika_guseynova@mail.ru
ORCID: 0000-0001-9708-114X

Покоякова Карина Александровна — кандидат филологических наук, старший научный сотрудник Института гуманитарных исследований и саяно-алтайской тюркологии Хакасского государственного университета им. Н.Ф. Катанова. E-mail: karina_p.84@mail.ru
ORCID: 0000-0001-6318-9435

Bio Note:

Tamara Gerasimovna Borgoiakova Doctor of Philology, Professor, Head of the Research Institute of Humanities and Sayan-Altai Turkology, Professor of the Department of Foreign Linguistics and Theory of Language, Katanov Khakass State University. Abakan, Russia. E-mail: tamarabee@mail.ru
ORCID: 0000-0001-9958-9086

Aurika Vagifovna Guseinova Candidate of Philology, Senior Researcher of the Research Institute of Humanities and Sayan-Altai Turkology, Katanov Khakass State University, Abakan, Russia. E-mail: aurika_guseynova@mail.ru
ORCID: 0000-0001-9708-114X

Karina Aleksandrovna Pokoiakova Candidate of Philology, Senior Researcher of the Research Institute of Humanities and Sayan-Altai Turkology, Katanov Khakass State University, Abakan, Russia. E-mail: karina_p.84@mail.ru
ORCID: 0000-0001-6318-9435